

<https://helda.helsinki.fi>

0AF25B8C?04>:M;5:B>@0;L=>3>02B>@8B0@8

Gel'man, Vladimir

2012-12

Gel'man, V 2012, '0AF25B8C?04>:M;5:B>@0;L=>3>02B>@8B0@8
>;8B80, no. 4, pp. 65-88. <
http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Guelman-2012-4.pdf >

<http://hdl.handle.net/10138/45417>

---

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

ПОЛИТИКА

В.Я.Гельман

РАСЦВЕТ И УПАДОК ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА В РОССИИ¹

Ключевые слова: политический режим, электоральный авторитаризм, Россия, демократизация

¹ Работа выполнена в рамках программы «Choices of Russian Modernization» при поддержке Академии наук Финляндии.

² Sakwa 2008; Гельман 2010.

³ Collier, Levitsky 1997.

⁴ McFaul 2000.

⁵ Shevtsova 2000.

⁶ Levitsky, Way 2010; Golosov 2011.

⁷ Krastev, Holmes 2012.

⁸ Petrov et al. 2010; Treisman 2011.

⁹ Bogaards 2009.

За период правления Владимира Путина заметно изменились и модус дискуссий среди исследователей российской политики, и содержание полемики между «оптимистами» и «пессимистами», по-разному оценивающими процесс политического развития страны². Еще в 2000-е годы «оптимисты» были склонны рассматривать российский политический режим как «демократию с прилагательными»³, пусть весьма несовершенную, но обладающую неким потенциалом для улучшения своего качества⁴; «пессимисты» же указывали на нарастание в стране авторитарных тенденций⁵. Но с начала 2010-х годов почти никто из серьезных специалистов, говоря о положении дел в России, уже не использует термин «демократия»: речь идет лишь о том, насколько далеко наша страна отстоит от нее. Различия между «пессимистами» и «оптимистами» теперь заключаются в том, что первые безоговорочно квалифицируют нынешний политический режим как авторитарный⁶, тогда как вторые предпочитают избегать жестких определений, то подчеркивая низкую репрессивность российского режима⁷, то делая выводы о его «гибридном» характере в силу присутствия в стране ряда демократических институтов⁸. Этим терминологическим дебатам, отчасти отражающим сложные проблемы концептуализации политических режимов в сравнительной политологии⁹, сопутствует печальный консенсус экспертов относительно многочисленных патологий российской политики. Исследователи единодушны в выделении таких негативных симптомов, как нечестные голосования взамен конкурентных выборов, слабые и безвластные политические партии, подверженные политической цензуре СМИ, послушно штампуемые спущенные «сверху» решения законодательства, зависимые и глубоко пристрастные суды, произвол государства в экономике, повсеместная коррупция etc.

Однако задача научного анализа политического режима не сводится к поиску дефиниций и описанию симптомов. Гораздо важнее объяснить логику его формирования и функционирования, выявить ключевые параметры и страновую специфику, определить институциональные основы и механизмы поддержания, с тем чтобы осмыслить траекторию его «жизненного цикла» — становления, развития и упадка — и понять возможные направления дальнейшей эволюции. Эти вопросы и находятся в центре внимания данной работы.

Электоральный авторитаризм: почему?

¹⁰ Schedler (ed.) 2006; Levistky, Way 2010; Morse 2012.

¹¹ Hermet et al. 1978.

Согласно мнению ряда специалистов, политический режим, сложившийся в России после распада СССР, следует квалифицировать как «состязательный» или «электоральный» авторитаризм¹⁰. В подобных режимах институт выборов имеет вполне реальное значение; в отличие от «классического» авторитаризма, при котором преобладают фиктивные «выборы без выбора»¹¹ (примером такого рода на постсоветском пространстве служит, скажем, Туркменистан), в них допускается участие в электоральном процессе различных партий и кандидатов. Но формальные и неформальные правила предполагают неоправданно высокие барьеры для вхождения в этот процесс, заведомо неравный доступ его участников к ресурсам (от финансовых до медийных), систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов, поданных за проправительственные партии и кандидатов, а также злоупотребления на всех стадиях выборов, включая подсчет голосов. Именно изначально несправедливые «правила игры», призванные обеспечить победу инкубентов независимо от предпочтений избирателей, и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий.

¹² Hale 2005; Way 2005.

Электоральный авторитаризм — явление не новое, но особенно широкое распространение он получил в последние два десятилетия, в том числе и в постсоветских государствах¹². Классический авторитаризм уступает место электоральному по двум причинам. Во-первых, регулярное проведение выборов и наличие ограниченной конкуренции позволяет правящим группам соответствующих стран более эффективно осуществлять контроль как над государственным аппаратом (на всех уровнях управления), так и над своими согражданами, тем самым минимизируя риски внезапного крушения режимов, вызванного внутриполитическими конфликтами¹³. Во-вторых, электоральные механизмы служат средством внутриполитической и, главное, международной легитимации — в противном случае само функционирование авторитарных режимов может оказаться под угрозой¹⁴. Именно поэтому выборы, в силу самой природы политической конкуренции, становятся для электоральных авторитарных режимов тестом на выживание. Им приходится не просто обеспечивать победу инкубентов в нечестной борьбе, но и прилагать немалые усилия, чтобы эта победа была признана внутри страны и за ее пределами, а эффект обвинений в нечестности выборов был не слишком значительным. Хотя многим электоральным авторитарным режимам удается более или менее успешно решать эти задачи, массовые протесты (например, по итогам нечестных выборов) порой могут создать для них вызовы, несовместимые с выживанием, о чем свидетельствует, в частности, недавний опыт «цветных революций» и «арабской весны». Различия в судьбе режимов подобного типа ставят перед политической наукой нетривиальный вопрос: почему электоральный авторитаризм где-то укореняется на десятилетия (примеров тому немало — от Мексики до Египта), а где-то оказывается

¹³ Geddes 2005.

¹⁴ Magaloni 2010.

лишь временным и преходящим явлением (как в Сербии) либо же одни электоральные авторитарные режимы сменяются другими (как в некоторых постсоветских странах)? И здесь опыт постсоветской России может выступить в качестве «критического случая»¹⁵, проливающего свет на истоки силы и слабости электорального авторитаризма в сравнительной перспективе.

В дискуссиях о причинах упадка и крушения режимов электорального авторитаризма отчетливо просматриваются два подхода к проблеме. Приверженцы первого из них склонны связывать стабильность этих режимов с отсутствием реальных альтернатив существующему порядку, а их упадок — с массовой мобилизацией в результате усилий противников режима, ставя во главу угла успешную кооперацию представителей оппозиции¹⁶. Странники второго делают акцент на уязвимости самих режимов вследствие их открытости воздействию Запада и недостаточной силы государственного аппарата и/или доминирующих партий, которые зачастую не в состоянии обеспечить эффективный контроль правящих групп над политическим процессом¹⁷. Споры о том, «кто виноват» в провале электорального авторитаризма — режим или оппозиция¹⁸, фокусируют внимание на историях неудач этих режимов, оставляя за скобками истории их успехов, которые могут быть ничуть не менее поучительными с точки зрения перспектив дальнейшего анализа.

Между тем постсоветская Россия — по крайней мере, до серии массовых протестов 2011—2012 гг. — вполне может рассматриваться как пример успешного строительства электорального авторитарного режима. С одной стороны, ее лидерам удавалось эффективно удерживать свою политическую монополию, опираясь на иерархию государственного аппарата («вертикаль власти») и доминирующую партию («Единую Россию») и ограждая внутреннюю политику страны от «тлетворного влияния Запада». С другой стороны, на протяжении всего постсоветского периода спрос граждан на политические перемены присутствовал как минимум в латентной форме¹⁹, и власти последовательно и систематически старались избавиться от вызовов режиму *status quo* путем выстраивания высоких барьеров входа на политический рынок, умелого использования тактики «разделяй и властвуй», кооптации в истеблишмент в качестве «попутчиков» одних политических игроков и исключения из него других²⁰ etc. Волна антисистемной мобилизации зимы—весны 2011—2012 гг. несколько поколебала прежнее равновесие, однако — во всяком случае, пока — нет никаких оснований говорить о неизбежности крушения электорального авторитаризма в стране в ближайшем будущем.

Почему и как успех электорального авторитаризма стал возможен в России? Каковы причины возникновения этого режима, механизмы его поддержания и возможные траектории изменений? В поисках ответов на эти вопросы мы сперва обратимся к анализу институциональных и политических факторов, обусловивших расцвет и последующий упа-

¹⁵ *Eckstein 1975.*

¹⁶ *Beissinger 2007; Tucker 2007.*

¹⁷ *Levitsky, Way 2010.*

¹⁸ *Way 2008; Bunce, Wolchik 2009.*

¹⁹ *Rose et al. 2011; Treisman 2011.*

²⁰ *Wilson 2005; Gel'man 2008a.*

док российского электорального авторитаризма, затем рассмотрим основные этапы становления и развития режима и, наконец, обсудим варианты и перспективы его трансформации.

**Три источника
и три составные
части
электорального
авторитаризма
в России**

Успешное строительство авторитарных режимов и поддержание их жизнеспособности — дело не менее, а, наверное, даже более сложное, чем успешное строительство демократий. Политические лидеры этих режимов вынуждены решать, причем одновременно, три взаимосвязанные задачи. Во-первых, им необходимо избавиться от вызовов со стороны политической оппозиции и, в широком плане, своих сограждан. Во-вторых, им нужно минимизировать риски, которые могут исходить от отдельных представителей правящих кругов, стремящихся утвердить свое господство (путем переворота или через открытое присоединение к выступающей против режима оппозиции). Эти задачи могут решаться с помощью как «кнута» (то есть силового подавления), так и «пряника» (кооптации части потенциальных конкурентов в состав правящей группы на правах младших партнеров). Наконец, в-третьих, чтобы режим был устойчивым, он должен эффективно использовать инструменты управления: государственный аппарат, силовые структуры и/или доминирующую партию. Авторитарные режимы сталкиваются и с «дилеммой эффективности»: почва для недовольства элит и масс сложившимся положением вещей возникает как в ситуации, когда власти управляют страной настолько плохо, что доводят ее «до ручки», так и тогда, когда в результате экономического роста повышаются ожидания и усиливается запрос на демократизацию²¹.

²¹ Huntington 1991: 55.

Постсоветскому авторитаризму в России присуще как минимум несколько важных особенностей, выделяющих его на фоне как «классических» диктатур, так и некоторых соседей по постсоветскому пространству. Прежде всего, этот режим не только не отказался от «фасада» сформировавшихся в 1990-е годы демократических институтов, таких как парламент, многопартийная система, конкурентные выборы, но и всячески поддерживал их внешнюю форму, выхолащивая или извращая содержание. Подобного рода практика строительства «демократической потемкинской деревни», типичная для многих режимов электорального авторитаризма, имела целью не только мимикрию, но и кооптацию реальной или потенциальной оппозиции и общества в целом. С точки зрения мимикрии и кооптации эта стратегия отчасти была вынужденной, призванной минимизировать риски внутривнутриполитических конфликтов, однако ее оборотной стороной стала весьма высокая (и увеличивавшаяся со временем) цена, которую пришлось бы заплатить правящим группам за использование подавления. Другая особенность российского режима — нарастающая дисфункциональность его ключевых инструментов. Коррупцированная и неэффективная бюрократия, погрязшие в «крышевании» бизнеса правоохранительные органы, лишенная идеологии, а равно и автономии от государственного аппарата

«партия власти» поддерживали лояльность режиму, но были неспособны к продвижению социально-экономических преобразований (да и не заинтересованы в них): сохранение status quo фактически выступало для них самоцелью.

²² *Gel'man 2008b.*

Электоральный авторитаризм в России, как и в некоторых других постсоветских странах, стал побочным продуктом разрешения начавшихся после распада СССР внутриэлитных конфликтов по принципу «победитель получает все»²². Но достигнутая в результате монополизация власти хотя и была необходимым условием возникновения электорального авторитаризма, сама по себе отнюдь не гарантировала его устойчивости, о чем свидетельствует опыт тех же Украины или Кыргызстана в ходе и после «цветных революций». Российским властям пришлось приложить немало усилий, чтобы обеспечить консолидацию электорального авторитаризма. Ими были созданы и/или использованы три важнейших институциональных механизма, поддерживающих режим: (1) суперпрезидентализм, (2) субнациональный авторитаризм, (3) доминирующая партия.

²³ *Frye 1997; Levistky, Way 2010.*

²⁴ *Fish 2005.*

²⁵ *Linz 1990.*

По мнению ряда специалистов, суперпрезидентализм — система разделения властей с высокой концентрацией властных полномочий в руках всенародно избранного главы государства — является не только следствием монополизации власти в постсоветских авторитарных режимах²³, но и причиной их стабильности²⁴. Предельно огрубляя: принцип «игры с нулевой суммой», лежащий в основе суперпрезидентализма²⁵, резко увеличивает для инкумбента цену возможного поражения на президентских выборах — такое поражение ставит под вопрос не просто политическое, но даже физическое выживание главы государства и его ближайшего окружения. Поэтому суперпрезидентализм создает для лидеров электоральных авторитарных режимов, с одной стороны, дополнительные стимулы к удержанию власти любой ценой, а с другой — дополнительные вызовы. Им приходится выбирать между соблазном свернуть всякую электоральную конкуренцию и перейти к «классическому» авторитаризму (как, скажем, в Казахстане при Назарбаеве) и рисками подрыва режима в случае смены главы государства, когда происходит почти неизбежная реконфигурация патронажных сетей, обуславливающих лояльность элит (примерами такого рода могут служить Украина на излете президентства Кучмы или Грузия накануне падения Шеварднадзе)²⁶. Российскому электоральному авторитаризму удалось избежать как первого, так и второго варианта эволюции режима, хотя данные траектории были не исключены в 1990-е годы.

²⁶ *Hale 2005.*

Неудивительно, что перед Путиным, победившим в «войне за ельцинское наследство» 1999—2000 гг., встала задача не только поддержания, но и институционального укрепления электорального авторитаризма. Помимо прочего, он должен был принудить к подчинению различные сегменты российских элит, минимизировав риски нелояльности с их стороны. Путину предстояло не просто показать российскому правящему классу, кто «в доме хозяин», но создать устойчивое сочета-

ние негативных и позитивных стимулов, которое бы обеспечивало его долгосрочную лояльность. Такое сочетание было достигнуто благодаря двум взаимосвязанным шагам, предпринятым в 2000-е годы: (1) кооптации в единый общероссийский «эшелон» локальных «политических машин», контролируемых руководителями исполнительной власти регионов и городов; (2) выстраиванию подконтрольной и манипулятивной партийной системы во главе с «партией власти». Ключевыми моментами здесь стали отказ от всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов и изменение законодательства о партиях и выборах.

Децентрализованный субнациональный авторитаризм, возникший в ряде регионов России еще в 1990-е годы и укоренившийся в первой половине 2000-х²⁷, был не слишком надежным союзником Кремля в достижении его целей. Во-первых, он не исключал выхода региональных элит из-под контроля федеральных властей и не нивелировал риски коллективных действий с их стороны, как чуть было не произошло в 1999 г.²⁸ Во-вторых, издержки по обеспечению неформального контракта с региональными лидерами по схеме «лояльность в обмен на невмешательство» были для Кремля непомерно высоки. Однако введение фактического назначения глав исполнительной власти регионов в 2004 г. позволило федеральным властям решить проблему взаимных обязательств: институциональные реформы задали стимулы к изменению поведения субнациональных элит²⁹. Кремль готов был терпеть региональных лидеров при условии, если те приносили ему требуемые голоса избирателей. Способность контролировать электоральный процесс на местах любыми средствами, пусть даже в ущерб эффективности управления, обусловила новый неформальный контракт по схеме «монопольное сохранение власти в обмен на „правильные“ результаты голосования»³⁰, ставший важнейшей составной частью российского политического режима.

Наконец, «партия власти» «Единая Россия», превратившаяся в один из ключевых инструментов Кремля, дала правящей группе возможность добиться монополии в парламентской³¹ и электоральной³² политике. Эта монополия была достигнута во многом благодаря серии институциональных изменений, включавших в себя ужесточение правил регистрации политических партий, повышение проходного барьера на думских выборах, переход от смешанной к пропорциональной избирательной системе и целый ряд других шагов. Ее достижение позволило Кремлю принудить всех значимых акторов (и общероссийских, и субнациональных) к безусловной лояльности «партии власти». Фраза бывшего губернатора Орловской области Егора Строева: «У нас есть две дороги — либо в „Единую Россию“, либо в тюрьму»³³, — как нельзя лучше характеризует те стимулы к электоральному и партийному поведению элит, которые задавались созданными в середине 2000-х годов «правилами игры». Вместе с тем присутствие на политической арене «попутчиков» режима в виде «системных» партий облегчало задачу кооптации потенциальных оппозиционеров и (наряду с некоторыми другими

²⁷ Gel'man 2010; Golosov 2011.

²⁸ Hale 2006.

²⁹ Reuter, Remington 2009.

³⁰ Golosov 2011.

³¹ Remington 2006.

³² Hale 2006; Gel'man 2008a.

³³ Цит. no: Golosov 2011.

присущими демократиям институтами) также работало на поддержание status quo³⁴.

³⁴ *Gandhi 2008.*

Конечно, эти институциональные «источники» авторитаризма в России сами по себе не делали status quo более привлекательным ни в глазах элит, ни в глазах обычных граждан. Но они снижали привлекательность и/или реалистичность всех потенциальных альтернатив режиму, тем самым способствуя «вынужденному принятию»³⁵ существующего субоптимального порядка как единственно возможного: как писал Адам Пшеворский, «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, то любой порядок и устанавливается»³⁶. Таким образом, в 2000-е годы российский электоральный авторитаризм смог достичь консолидации, то есть политического равновесия.

³⁵ *Rose et al. 2004.*

³⁶ *Przeworski 1991:*
86.

Устойчивость авторитарного равновесия, по словам Пшеворского, держится на лжи, страхе и/или экономическом процветании³⁷. Эти три фактора играли немалую роль и в случае российского электорального авторитаризма, хотя и в иной последовательности. Впечатляющий экономический рост 2000-х на долгие годы обеспечил высокий уровень поддержки российскими гражданами правящей группы и режима

³⁷ *Ibid.:* 58.

в целом³⁸, не только снижая издержки Кремля на покупку их лояльности, но и расширяя временной горизонт status quo. Но природа этой высокой поддержки носила не диффузный, а специфический характер³⁹; иными словами, россияне готовы были поддерживать авторитарный режим лишь постольку, поскольку он приносил им ощутимые материальные блага, а отнюдь не из-за веры в его легитимность и/или справедливость. Неудивительно, что экономический кризис 2008—2009 гг. хотя и не привел (в силу краткосрочного характера) к критическому спаду массовой поддержки status quo, спровоцировал, наряду с другими факторами, риски нарушения равновесия⁴⁰, проявившиеся в ходе волны протестов 2011—2012 гг.

³⁸ *Rose et al. 2011;*
Treisman 2011.

³⁹ *Easton 1975.*

⁴⁰ *Рогов 2010;*
Белановский,
Дмитриев 2011.

Кроме всего прочего, экономический рост 2000-х годов позволял российским властям использовать в качестве главного орудия авторитарного господства скорее «пряник», нежели «кну́т», не прибегая к систематическим репрессиям в отношении своих противников. Напротив, российский режим обеспечивал гражданам широкий набор индивидуальных, да и гражданских свобод, хотя и серьезно ограничивал их политические свободы, а случаи преследования по политическим мотивам носили по преимуществу точечный характер (примерами чего могут служить разгром НТВ в 2001 г. и арест Михаила Ходорковского в 2003 г.). Примечательно, что составленный оппозиционерами в ходе протестов зимы 2012 г. список политических заключенных в России включал в себя всего 39 имен — невиданно низкий по меркам авторитарных режимов показатель. Страх представителей российского политического класса если не подвергнуться репрессиям, то ухудшить собственное положение в результате несанкционированного активизма, привитый им в 2000-е годы, был, пожалуй, сильно преувеличен. Но в более общем плане страх различных социальных групп перед высокими

издержками кардинальных преобразований в политике и обществе (особенно с учетом травматического опыта реформ 1990-х годов) работал на поддержание status quo. Перефразируя заключение «Манифеста коммунистической партии», можно вслед за Сергеем Рыженковым утверждать, что большинству российских граждан было что терять при подрыве режима, их цепи оказались не слишком тяжелы, а приобретения в случае нарушения авторитарного равновесия выглядели неочевидными⁴¹. Иначе говоря, страх потерь и стремление избежать рисков способствовали тому, что даже несогласные с режимом воспринимали сохранение status quo как меньшее зло по сравнению с альтернативами⁴².

⁴¹ Рыженков 2011: 101.

⁴² Rose et al. 2011.

Наконец, неотъемлемым элементом российского электорального авторитаризма выступала ложь. Благодаря монополизации контроля над информационными потоками Кремль обладал широкими возможностями для проведения манипулятивной «виртуальной политики»⁴³, опираясь на широкий круг пропагандистских средств и в целом успешно решал задачи поддержания авторитарного равновесия. Нежелательная для властей информационная среда была загнана в гетто интернета и отдельных СМИ, за пределами которого доминирование Кремля и лояльных ему сил было почти безраздельным. Монополизация информационного предложения сочеталась с низким спросом россиян на альтернативную информацию. Поэтому не приходится удивляться, что, несмотря на многочисленные злоупотребления, российские граждане были склонны оценивать выборы 2007—2008 гг. как «честные»⁴⁴. Весьма показательным в этом плане является замечание участницы одной из проводившихся по их итогам фокус-групп, которая заявила, что во время голосования «все было честно, хотя результаты на 50% сфальсифицированы»⁴⁵.

⁴³ Wilson 2005.

⁴⁴ Rose, Mishler 2009.

⁴⁵ Wilson 2012: 152.

Итак, главными симптомами консолидации электорального авторитаризма в России являлись лояльность масс и элит по отношению к status quo и вынужденная или добровольная поддержка ими «правил игры», монопольно установленных Кремлем. Следствием этой консолидации стали два важнейших феномена. Во-первых, Путин как доминирующий актер смог создать для своих подчиненных такое сочетание «кнута» и «пряника», которое не оставляло им иной стратегии поведения, кроме безусловного повиновения либо, в крайнем случае, неучастия. Подобный механизм координации принято обозначать как «навязанный консенсус»⁴⁶, но, пожалуй, наиболее точная его характеристика содержится в известной фразе из романа Марио Пьюзо «Крестный отец» — «предложение, от которого нельзя отказаться». Хотя, согласно данным опроса, проведенного в 2008 г. под руководством Михаила Афанасьева, значительная часть российских элит поддерживала демократические институты и практики⁴⁷, на деле они как минимум не препятствовали авторитарному господству. Во-вторых, на смену общественному активизму, уровень которого в России, как и в ряде других посткоммунистических стран, был, впрочем, невысок и в 1990-е годы⁴⁸,

⁴⁶ Gel'man 2008a.

⁴⁷ Афанасьев 2009.

⁴⁸ Howard 2003.

пришло глубокое отчуждение граждан от участия в политике, лишь время от времени нарушаемое локальными «бунтами» по принципу NIMBY (not in my back yard). Как показал Грэм Робертсон, в 1990-х годах массовые протесты по большей части служили лишь отражением конфликтов различных сегментов элит⁴⁹; неудивительно, что сужение структуры политических возможностей⁵⁰ в 2000-е повлекло за собой пассивность масс. Сталкиваясь с режимом, граждане предпочитали «протесту» (voice) ту или иную форму «ухода» (exit)⁵¹ — от ухода в частную жизнь до отъезда за рубеж, тем самым также поддерживая status quo.

Таким образом, авторитаризм электорального типа, низкий уровень репрессивности, опора на институциональные механизмы (суперпрезидентализм, централизованный субнациональный авторитаризм и доминирующую партию), сочетание различных орудий господства (экономическое благополучие, страх перед нарушением равновесия и ложь «виртуальной политики»), наряду с ограничениями спроса и предложения на политическом рынке, стали важнейшими чертами российского политического режима. Они не только обеспечили его расцвет, но и повлияли на последующий упадок.

⁴⁹ Robertson 2007.

⁵⁰ Tarrow 1994.

⁵¹ Hirschman 1970.

**Российский
электоральный
авторитаризм:
стадии
жизненного
цикла**

Не будет большим преувеличением утверждать, что одной из предпосылок складывания электорального авторитаризма в России (и в некоторых других постсоветских государствах) стал процесс демократизации страны в 1989—1991 гг. Он обусловил ключевую роль института выборов как основного инструмента политической легитимации, тем самым если не полностью закрыв дорогу для поворота к «классическому» авторитаризму, то существенно его затруднив. Попросту говоря, важнейшим итогом краткого периода становления электоральной демократии в России было то, что не подкрепленные выборами претензии на господство воспринимались как нелегитимные⁵².

⁵² Rose et al. 2011;
Hale 2011.

⁵³ Linz 1990.

Характерно, что, хотя развернувшийся в 1992—1993 гг. конфликт между президентом и парламентом страны был типичным проявлением «двойной легитимности»⁵³, обе стороны обращались не к электоральным механизмам его разрешения, а к их субституту в форме плебисцита, что в немалой степени повлияло и на исход противостояния по принципу «игры с нулевой суммой». Вместе с тем опора победителей конфликта на поддержку общества (или, точнее, на отказ общества от поддержки их оппонентов) вынуждала к тому, чтобы и дальше использовать выборы в своих интересах. Не следует также забывать, что в декабре 1993 г., когда в России прошла первая думская кампания, Ельцин был озабочен прежде всего исходом состоявшегося одновременно референдума по проекту конституции, наделявшему его как главу государства весьма широкими полномочиями. Именно поэтому, несмотря на относительно низкие показатели проправительственных партий, идея отмены «неправильных» результатов выборов была им отвергнута⁵⁴, что, в свою очередь, позволило данному институту сохранить свое

⁵⁴ Эпоха 2001.

значение. Но даже если обстоятельства появления на свет российского электорального авторитаризма были во многом случайными, связанными с особенностями текущей политической конъюнктуры, то сама по себе логика становления этого режима оказалась закономерным следствием неудачи демократизации начала 1990-х годов.

⁵⁵ Collier D., Collier R.B. 1991.

Аналогичная дилемма — электоральный vs. «классический» авторитаризм — встала перед российской правящей группой в новый «критический момент» (critical juncture)⁵⁵ эволюции политического режима накануне президентских выборов 1996 г. В начале избирательной кампании уровень массовой поддержки Ельцина не превышал 5%, будучи подорван и затяжным спадом в экономике, и непрекращающейся войной в Чечне. Между тем приход к власти оппозиции ставил под вопрос выживание действующего президента не только в качестве политического лидера, но и с точки зрения гарантий личной безопасности: поражение на выборах могло стоить ему и его союзникам слишком дорого, чтобы они легко согласились на такой риск. Возможность отмены выборов или объявления их результатов недействительными в случае поражения активно обсуждалась внутри правящей группы, и окружение Ельцина даже приступило к подготовке к роспуску Думы, намереваясь запретить КПРФ⁵⁶. Однако цена отказа от существующих «правил игры» и сохранения правящей группы посредством фактического государственного переворота и подавления оппозиции была непомерно высока. Это могло расколоть элиты еще глубже, чем в 1993 г., привести к окончательной утрате контроля над ситуацией в стране и лишить Ельцина, да и режим в целом, какой-либо легитимности. Поэтому выборы все-таки состоялись, хотя об их справедливости не было и речи⁵⁷. Таким образом, электоральный авторитаризм продемонстрировал свою зависимость от предшествующего пути: выбор, сделанный однажды, начал воспроизводиться в последующие электоральные циклы, все больше повышая цену пересмотра «правил игры» для элит и укореняясь в сознании граждан как наименее приемлемый⁵⁸.

⁵⁶ Эноха 2001.

⁵⁷ Shevtsova 1999.

⁵⁸ Rose et al. 2011.

Но поистине поворотным моментом в судьбе электорального авторитаризма в России была «война за ельцинское наследство», развернувшаяся накануне думских выборов 1999 г. Поскольку Ельцин более не мог сохранять за собой президентский пост и не обладал ресурсами для автоматической передачи власти лояльному преемнику (как это сделал Гейдар Алиев в Азербайджане), возникла проблема преемственности лидерства и режима в целом и связанная с ней угроза внутриэлитного конфликта⁵⁹. Проявлением последней было формирование блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР) — коалиции региональных лидеров и «олигархов», стремившейся использовать выборы для захвата позиции доминирующего актора. Кремлю пришлось приложить немалые усилия, чтобы подавить альтернативные механизмы координации элит⁶⁰ и в острой конкурентной борьбе добиться относительного успеха блока «Единство», созданного в ответ на образование ОВР. Успеху Кремля способствовали и резкий взлет популярности преемника Ель-

⁵⁹ Hale 2005, 2006.

⁶⁰ Shvetsova 2003.

⁶¹ *Enikolopov et al.*
2011.

цина — Путина, и начавшийся после длительного спада и кризиса 1998 г. экономический рост, и активная пропаганда в пользу «Единства» в большинстве СМИ, обусловившая победу режима в «информационных войнах»⁶¹. Еще в ходе избирательной кампании некоторые участники противостоявшей Кремлю коалиции начали стремительно перебежать на сторону потенциальных победителей, и ее лидеры оказались перед выбором между борьбой за пост президента без серьезных шансов на успех и отказом от борьбы. Результатом стало «недружественное поглощение» ОВР «Единством» и кооптация членов альтернативного блока в состав теперь уже новой «выигрышной коалиции» вокруг Путина. Хотя конфликт элит (ОВР vs. «Единство») имел электоральное измерение и в случае относительного баланса сил его участников теоретически мог создать условия для становления в России электоральной демократии (подобно тому, как произошло на Украине в ходе «оранжевой революции»⁶²), на практике он был разрешен не на поле борьбы за голоса избирателей, и его исходом вновь (как и в октябре 1993 г.) стала «игра с нулевой суммой».

⁶² *Hale 2005;*
Gel'man 2008b.

Новая правящая группа во главе с Путиным после своего прихода к власти в результате победы на выборах 2000 г. должна была дать ответ на вызовы, с которыми столкнулся российский электоральный авторитаризм в ходе «войны за ельцинское наследство». «Работа над ошибками», проведенная Путиным в 2000-е годы, наверное, заслуживала бы «пятерки с плюсом» в гипотетической школе для диктаторов. Уроки, которые извлек Кремль из конфликта элит 1999 г., а позднее — и из опыта «цветных революций» в постсоветских странах, заключались в том, что политическая монополия не может сохраняться просто «по умолчанию». Она нуждается в поддержании посредством политических и институциональных механизмов, позволяющих пресечь (или максимально затруднить) альтернативную координацию действий элит и граждан и резко повысить издержки вхождения на политический рынок. Помимо описанных выше мер — рецентрализации субнационального авторитаризма и инвестиций в доминирующую партию, — был нанесен удар по и без того слабым структурам (оппозиционным партиям, независимым СМИ, некоммерческим организациям), которые могли бы обеспечить такую координацию и снизить издержки. Они оказались перед выбором между кооптацией в режим на правах его «попутчиков» и ролью «нишевой» оппозиции, обреченной на прозябание на периферии политического процесса⁶³. Эти «жесткие» ограничения политической конкуренции дополнялись и «мягкими», входящими в стандартное «меню манипуляций» электорального авторитаризма⁶⁴, такими как одностороннее освещение избирательных кампаний в СМИ, прямое и косвенное финансирование избирательных кампаний проправительственных партий и кандидатов за счет государства, систематическое использование государственного аппарата в интересах этих партий и кандидатов и неизменное разрешение в их пользу всех избирательных споров. Вместе с тем институт выборов был вполне успешно

⁶³ *Greene 2007.*

⁶⁴ *Schedler 2002.*

адаптирован для нужд режима. Во-первых, он выполнял функцию легитимации status quo. Во-вторых, он позволял правящей группе легитимно проводить свой политический курс независимо от предпочтений избирателей. Наконец, он служил механизмом частичной смены элит, но не на основе конкуренции, а через назначение победителей будущих выборов еще до голосования.

Головокружительный успех «Единой России» на думских выборах 2007 г. (64,3% голосов и 315 из 450 мандатов) стал триумфом электорального авторитаризма. Но этот успех совпал по времени с вызовом, обусловленным наличием конституционных ограничений на сроки президентских полномочий. Перед Путиным, чей второй президентский срок истекал весной 2008 г., стояла непростая дилемма, по сути сводившаяся к выбору между двумя вариантами эволюции режима — «украшением» демократического «фасада» и неприкрытым, не связанным формальными ограничениями авторитарным правлением. Модель назначения преемника предполагала движение по первому пути, тогда как избрание Путина на третий срок означало бы поворот ко второму варианту, de facto не слишком отличавшемуся от «классического» авторитаризма.

Скорее всего, мы никогда не узнаем всех деталей кремлевской политики 2000-х годов и едва ли сможем дать ответ на вопрос, почему Путин, вместо того чтобы инициировать пересмотр препятствующих его переизбранию конституционных норм, добившись внесения поправок в действующую Конституцию или принятие «с нуля» новой, либо вообще отказаться от конституции как набора формальных «правил игры» в российской политике и тем самым раз и навсегда закрепить за собой все рычаги власти, предпочел на время передать часть ресурсов и полномочий лояльному преемнику. Такая схема сулила ему немалые риски — точно предугадать поведение преемника, наделенного большим объемом конституционных полномочий, было заведомо невозможно: Путин мог разделить участь не мексиканского диктатора Диаса, в ходе 34-летнего правления дважды уступавшего пост главы государства лояльным преемникам и потом без проблем возвращавшего себе полноту власти, а нигерийского президента Обасанджо, который после передачи власти преемнику был обвинен в коррупции и вынужденно покинул страну. Эти риски, однако, оказались мнимыми, и нелояльность со стороны Дмитрия Медведева Путину не грозила. Но проблема лежала в иной плоскости. Поворот от электорального авторитаризма, замаскированного под демократию, к ничем не прикрытой монополии Путина и его команды был чреват довольно высокими издержками для российского политического режима. Его легитимность как внутри страны, так и — главное — за ее пределами могла быть поставлена под сомнение. И дело не в том, что российским лидерам, крайне чувствительным к своему международному статусу, было бы неприятно оказаться в компании диктаторов. Важнее то, что сомнительная международная легитимность режима затруднила бы легализацию доходов и собственности

российских элит за рубежом. Не последнюю роль в разрешении «дилеммы Путина», возможно, сыграл и феномен «оффшорной аристократии». Вместе с тем не стоит исключать и простой житейской логики такого выбора по принципу «от добра добра не ищут»: проще говоря, поскольку электоральный авторитаризм, несмотря на немалые издержки по его поддержанию, в общем и целом удовлетворял Кремль, то стимулы для кардинального пересмотра «правил игры» оказались явно недостаточными. Если так, то сохранение status quo, по-видимому, представляло собой выбор «по умолчанию»: Путин и его окружение (как и многие наблюдатели), похоже, исходили из того, что вся внешняя среда и внутривнутриполитические условия останутся неизменными — во всяком случае, в период пребывания Медведева на посту главы государства. Электоральный цикл 2011—2012 гг. частично опроверг эти ожидания, обозначив тенденцию к упадку электорального авторитаризма в России.

Новым «критическим моментом» для режима стали думские выборы декабря 2011 г., на которых «Единая Россия», вопреки всем усилиям со стороны режима, не смогла набрать 50% голосов, и последовавшая за ними волна политических протестов. Было ли это поражение электорального авторитаризма запрограммировано логикой эволюции режима, или же оно стало результатом действий ключевых политических акторов? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. Сами по себе поражения авторитарных режимов в несправедливых избирательных кампаниях — явление отнюдь не новое. Феномен «опрокидывающих выборов» (stunning elections), когда авторитарные режимы проводят выборы в целях закрепления своей легитимности, но они оборачиваются поражением правящих групп и подчас (хотя и не всегда) открывают путь к последующей демократизации, подробно описан, в том числе и на материале позднего СССР⁶⁵. Но его причины и механизмы изучены явно недостаточно. Предварительный анализ российского случая⁶⁶ позволяет утверждать, что ожидания лидеров режима строились ретроспективно и не учитывали изменений политического спроса⁶⁷. В период президентства Медведева российские власти по преимуществу заботились об украшении виртуального «фасада» якобы демократической «потемкинской деревни», не придавая серьезного значения тому, что в скрывавшейся за ним стене режима образуются все новые трещины. Видимо, расчет строился на том, что в ходе обратной замены в правящем тандеме (Путин — президент, Медведев — премьер-министр), анонсированной в сентябре 2011 г., демонтаж «потемкинской деревни» произойдет сам собой. Этот расчет игнорировал то обстоятельство, что «потемкинская деревня» была населена гражданами страны, «демонтировать» которых вместе с «фасадом» (например, посредством массовых репрессий) власти полагали чересчур рискованным, а убеждать закрыть глаза на происходящее (например, посредством покупки лояльности) — чересчур дорогим и необязательным. Соотношение «кнута» и «пряника», то есть позитивных и негативных стимулов

⁶⁵ Huntington 1991: 174—180.

⁶⁶ Гельман 2012.

⁶⁷ Рогов 2010; Белановский, Дмитриев 2011.

к массовому участию, оказалось недостаточно сбалансировано. В период президентства Медведева «кнут» применялся властями слишком селективно и слишком неэффективно, в то время как «пряники», которых (на фоне запредельной коррупции) и без того не хватало на всех, оставались по большей части виртуальными и предоставлялись гражданам далеко не в должном количестве. Итоги думского голосования декабря 2011 г. стали расплатой за пагубную самонадеянность правящей группы.

Протесты 2011 — начала 2012 г. отчетливо показали зыбкость всех трех составляющих российского электорального авторитаризма. Экономическое процветание уже не обеспечивало принятия status quo «продвинутой» частью избирателей⁶⁸ и было недостаточным для поддержания лояльности «периферийного» электората. Страх был частично преодолен и в силу демонстрационного эффекта массовых протестов⁶⁹, и благодаря умелому использованию оппозицией интернета и социальных сетей⁷⁰. Наконец, ложь, долгие годы служившая орудием Кремля, уже работала не столь успешно, как «виртуальная политика» 2000-х годов. Обнаружилось, что известный тезис американского политолога Валдимера Орландо Ки-младшего «избиратели не дураки!»⁷¹, широко цитируемый при анализе демократических выборов, имеет смысл и в условиях электорального авторитаризма. Но еще актуальнее в нынешнем российском контексте звучит знаменитый афоризм Авраама Линкольна: «Можно долго обманывать немногих или недолго обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех». Российские граждане, вероятно, могли бы еще некоторое время сохранять прежнее безразличное отношение к status quo, если бы не действия оппозиции, которая воспользовалась ошибками правящей группы и нашла эффективные средства мобилизации своих сторонников. Тем не менее ресурсный потенциал режима, накопленный им в предшествующее десятилетие, оказался достаточно велик, чтобы власти не успели растерять большинство союзников и в конечном счете, хотя и не без труда, по итогам президентских выборов марта 2012 г. смогли удержать свое господство.

Реакция правящих кругов на относительное поражение электорального авторитаризма и последующие протесты полностью вписывалась в рамки стандартных моделей, применяемых при анализе эволюции «классических» авторитарных режимов⁷². Если первым ответом на новые вызовы была некоторая (правда, более чем ограниченная) либерализация «правил игры», то позднее она сменилась попытками восстановить поколебленный status quo посредством «закручивания гаек» и ужесточения санкций по отношению к противникам режима: поскольку сладость «пряников» все равно была недостаточной, власти взялись за «кнут». Изначально предложенные меры — облегчение порядка регистрации новых партий и восстановление выборности глав исполнительной власти регионов — были выхолощены до того предела, где они уже не могли создать угрозу правящим группам (так, введение

⁶⁸ Гайдар, Снеговая 2012.

⁶⁹ Kuran 1991; Штыков 2003.

⁷⁰ Lonkila 2012.

⁷¹ Key 1966: 5.

⁷² Przeworski 1991: 54—66.

«муниципального фильтра» на губернаторских выборах отсекало от участия в них нежелательных кандидатов). В свою очередь, возвращение уголовного преследования за клевету, увеличение штрафов за участие в акциях протеста, принудительное придание статуса «иностранных агентов» общественным организациям, получающим финансирование из-за рубежа, и, наконец, давление на лидеров и участников оппозиционных движений были призваны вновь поднять снизившуюся в ходе протестов 2011—2012 гг. цену несанкционированного участия в политике и не допустить его распространения вширь (за пределы столиц) и вглубь (на новые социальные группы). По справедливому замечанию Григория Голосова, целью подобных политических реформ являлась консолидация авторитарного порядка путем придания ему более эффективной институциональной формы, то есть своего рода работа над ошибками и исправление некоторых недочетов прежнего этапа строительства авторитаризма в России⁷³. Но хотя институциональные основы режима не претерпели принципиальных изменений, его равновесие поддерживалось теперь преимущественно ложью и страхом. Несмотря на то что и после волны протестов альтернативы существующему порядку продолжали восприниматься как нереалистичные и/или неприглядные⁷⁴, консолидация режима оказалась поставлена под сомнение. В связи с этим неизбежно возникает вопрос: носит ли упадок российского электорального авторитаризма частичный и преходящий характер, или же речь идет о системном кризисе?

⁷³ Голосов 2012.

⁷⁴ Общество 2012.

Повестка на завтра

К лету 2012 г. в России, казалось бы, восстановилось политическое равновесие, присущее режиму в предшествующее десятилетие. Путин вернулся на пост главы государства, распределив ключевые позиции и источники ренты («кормушки») среди заинтересованных групп; «попутчики» режима в лице «системных» оппозиционных партий, представителей бизнеса и значительной части «прогрессивной» общественности то ли по доброй воле, то ли вынужденно смирились с сохранением status quo; волна массовых протестов после серии стычек с полицией выродилась в безопасные для властей хэппенинги; экономика росла, пусть и не слишком впечатляющими темпами; наконец, массовая поддержка властей, судя по данным социологических опросов, если и не вернулась к характерному для «золотого века» первого президентства Путина уровню, то, по крайней мере, выправилась после критического спада конца 2011 г. (правда, затем снова начала снижаться)⁷⁵. Однако неустойчивость этого равновесия, отмеченная наблюдателями⁷⁶, требует анализа возможных вариантов дальнейшей трансформации электорального авторитаризма. Если вывести за скобки варианты wild card, ведущие к внезапному коллапсу режима, то к ним следует отнести: (1) сохранение режима status quo (и дальнейшее его «загнивание»); (2) ужесточение авторитарных тенденций (сценарий «жесткой

⁷⁵ Левада-центр 2012.

⁷⁶ Голосов 2012; Общество 2012.

руки»); (3) пошаговая и, скорее всего, непоследовательная демократизация. И хотя реальная практика российской политики может представлять собой комбинацию этих вариантов или последовательное либо непоследовательное чередование отдельных их элементов, имеет смысл рассмотреть каждый из них в отдельности.

Сохранение status quo. Если та среда, в которой функционирует российский политический режим, не претерпит в обозримом будущем кардинальных изменений, если констелляция ключевых акторов и их возможности по извлечению и перераспределению ренты останутся примерно теми же, что и сейчас, если давление на режим со стороны оппозиции и протестных движений удастся сбить до уровня, более или менее соответствующего периоду до конца 2011 г., не стоит ожидать, что правящие группы пойдут на односторонний пересмотр базовых «правил игры». Инерционное развитие событий, предполагающее сохранение нынешних политических институтов с отдельными, не слишком существенными изменениями, выглядит более предпочтительным для российских элит по сравнению как с демократизацией режима, так и с поворотом к репрессивному авторитаризму. Однако поддержание политического равновесия потребует от правящих групп немалых усилий. Речь идет не только об умелом сочетании «кнута» и «пряника», которое разбалансировалось накануне выборов 2011—2012 гг. Властям почти неизбежно придется прибегать к точечным и строго дозированным репрессиям по отношению к своим радикальным оппонентам, проводить политику «разделяй и властвуй» по отношению к противникам умеренным и корректировать формальные и неформальные «правила игры», с тем чтобы не просто сохранить, но и укрепить status quo. «Загнивание», помимо прочего, резко увеличит издержки поддержания равновесия (в том числе из-за того, что властям придется увеличить масштабы побочных платежей в качестве платы за лояльность).

А что же общество? Спрос на перемены, столь заметно предъявленный властям в ходе волны протестов 2011—2012 гг., может быть частично удовлетворен отдельными уступками по мелким вопросам и политикой кооптации, частично канализирован в «ниши» относительно успешного решения частных проблем, а частично так и оставаться на уровне латентных проявлений недовольства или «бунтов» локального масштаба. Иными словами, реакцией значительной части общества на «загнивание» может стать не активный коллективный «протест», а пассивный индивидуальный «уход», который может принимать различные формы, однако в любом случае безвреден для властей, поскольку он не только не подрывает status quo сам по себе, но и увеличивает издержки по его преодолению для участников протестов. А без кумулятивного и относительно длительного давления на режим со стороны общества кардинальных перемен ждать не стоит. Но если так, то «загнивание» может продолжаться до тех пор, пока издержки поддержания status quo не окажутся запретительно высоки либо пока нынешнее поколение

российских руководителей не уйдет в мир иной, подобно поколению советских руководителей эпохи «застоя».

Ужесточение авторитарных тенденций. Если правящая группа столкнется с нарастанием вызовов своему господству, если протестные акции не только разрастутся по числу участников и масштабу, но и приобретут новые (в том числе и насильственные) формы, если риски нелояльности со стороны «попутчиков» режима увеличатся, а потенциал кооптации будет исчерпан, у Кремля может возникнуть соблазн взять в руки «кнут» и начать применять его по полной программе. И хотя в долгосрочной перспективе такая стратегия авторитарных режимов нечасто оказывается успешной (особенно когда уровень их массовой поддержки низок, а протесты приобрели значительный размах)⁷⁷, на короткой дистанции подобная реакция может оттянуть крушение status quo за счет последующего роста насилия и конфликтов. Таким образом, нельзя исключить, что российские власти прибегнут к поддержанию своего господства посредством «жесткой руки» с полным или частичным демонтажем демократического «фасада».

⁷⁷ Kricheli et al. 2011.

Конкретные шаги Кремля на этом пути предсказать трудно; речь может идти о кардинальном пересмотре законодательства и правоприменительной практики в сторону расширения полномочий силовых структур, о дальнейших ограничениях прав и свобод граждан и т.д. Набор возможных изменений «правил игры», равно как и масштабы и длительность репрессий, зависят в данном случае скорее не от того, насколько реально велики вызовы правящей элите и связанные с ними риски, а от того, в какой мере эти вызовы и риски воспринимаются как критически опасные.

При таком развитии событий правящей группе придется не только намного увеличить издержки контроля и подавления, но и пойти на масштабное повышение побочных платежей «силовикам» в качестве платы за лояльность. Однако не стоит ожидать, что возможный поворот российского политического режима к сценарию «жесткой руки» сам по себе спровоцирует нарушение равновесия, даже если расширение репрессий станет угрожать значительной части «несогласных» с правящей группой. До тех пор, пока у «продвинутой» части россиян сохранится такая альтернатива «протесту» против status quo, как «уход» в форме отъезда из страны, риски сопротивления со стороны общества будут для власти не слишком велики. Вместе с тем опыт ряда стран⁷⁸ говорит о том, что авторитарные режимы с изначально низким уровнем подавления довольно редко становятся репрессивными — после длительной раздачи «пряников» перейти к эффективному использованию «кнута» не так-то просто. Кроме того, в случае поворота к «жесткой руке» риски нарушения баланса сил внутри правящих групп и дисфункциональность аппарата подавления могут оказаться настолько значительны, что неудачная попытка применения репрессий против сограждан повлечет за собой крах режима, как это произошло в августе 1991 г. в СССР.

⁷⁸ Davenport 2007.

⁷⁹ Przeworski 1991.

Пошаговая демократизация. Пошаговая, или «ползучая»⁷⁹, демократизация — это поэтапный, иногда довольно длительный процесс смены режима посредством серии стратегических шагов правящих групп и оппозиции, меняющих свои стратегии под воздействием друг друга. Данный сценарий предполагает, что под давлением оппозиции правящие группы идут на частичную либерализацию режима, а затем (если давление усиливается, а режим не сворачивает либерализацию) на расширение пространства политического участия, что, в свою очередь, ведет к размежеваниям внутри правящих групп и вовлечению оппозиции в политический процесс. Исходя из этой перспективы, волну политического протеста 2011—2012 гг. можно рассматривать как первый (необходимый, но явно недостаточный) шаг на пути «ползучей демократизации» страны. Разумеется, срывы, отступления, возвращение к status quo или иным формам авторитаризма ничуть не менее вероятны, чем «история успеха». Более того, стратегия правящих групп по сохранению и поддержанию электорального авторитаризма может измениться лишь в том случае, если давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но носить одновременный и кумулятивный характер, если различные социальные группы и политические силы окажутся в состоянии сплотиться на основе негативного консенсуса и мобилизовать значительную часть своих сторонников. Пока ситуация далека от этого.

Важнейшим механизмом, способным подорвать авторитарное равновесие в России, помимо массовых протестных выступлений, являются выборы. Это не означает, что переход России к демократии, если и когда он произойдет, станет результатом электоральной победы оппозиции над правящей группой при сохранении нынешнего режима. Последний в обозримом будущем сам собой не исчезнет, и в этом плане можно говорить лишь об «опрокидывающем» эффекте выборов. Но кооперация оппозиции, выдвижение ею согласованных кандидатов и списков, наконец, поддержка любых кандидатов, кроме кандидатов от «партии власти», могут нанести Кремлю существенный урон. И если региональные и местные избирательные кампании повлекут за собой целый каскад «опрокидывающих» эффектов, то нельзя исключить, что правящая группа будет вынуждена пойти по пути гораздо более серьезной, опережающей либерализации режима в преддверии общенационального цикла выборов, а то и раньше, меняя формальные и неформальные правила их проведения и расширяя политические возможности⁸⁰ для оппозиции. В этом случае можно ожидать все более частых примеров того, как некогда лояльные «попутчики» правящих групп берут на вооружение лозунги оппозиции и опираются на ее поддержку, апеллируя к протестным настроениям избирателей. При таком развитии событий выборы могут стать ключевым вызовом режиму status quo, и тогда электоральный авторитаризм начнет уступать место электоральной демократии.

⁸⁰ Tarrow 1994.

**Вместо
заключения:
задача
со многими
неизвестными**

⁸¹ *Huntington 1991.*

Список неизвестных величин, которые могут обусловить тот или иной вариант эволюции политического режима, привести к замене одного из них на другой либо к некоему их сочетанию, слишком широк и не специфичен по отношению к сегодняшней России⁸¹. Но есть как минимум две переменные — на уровне политического спроса и на уровне политического предложения, — динамика которых особенно значима в нынешнем российском контексте: от нее зависит, в каком именно направлении могут оказаться развернуты возможные трансформации режима.

⁸² *Kuran 1991.*

На уровне политического спроса речь идет об изменениях общественных настроений (как среди элит, так и в социуме в целом) и связанных с ними сдвигах в политическом поведении россиян. В условиях авторитарных режимов эти тренды с трудом поддаются оценке, так как доступные данные подчас оказываются систематически искажены ввиду эффекта «фальсификации предпочтений»⁸² — своего рода «фиги в кармане», когда вместо истинных предпочтений граждане артикулируют то, что им кажется приемлемым с точки зрения режима. Иногда эта «фига» начинает демонстрироваться властям в самый неожиданный «критический момент»: смена декларируемых предпочтений может повлечь за собой даже крах авторитарного режима. Но она может оставаться «в кармане» на протяжении долгого времени, до тех пор, пока новые вызовы status quo не возникнут как бы из ниоткуда. И поскольку внешне стабильный авторитарный режим может быть опрокинут в любой вдруг возникший «критический момент», то поведение всех участников политического процесса становится заведомо непредсказуемым.

⁸³ *Davenport 2007.*

На уровне политического предложения ключевым для выживания авторитарных режимов является то, насколько правящие группы готовы пустить в ход механизмы силового подавления своих противников, а также возможные последствия подобного шага. В российском случае эта проблема стоит особенно остро. Лидеров откровенно репрессивных режимов обычно не мучают сомнения, применять или не применять силу, когда речь идет о малейших угрозах их выживанию, и массовое политическое насилие в отношении своих сограждан для них дело рутинное⁸³. Иначе, однако, обстоят дела в авторитарных режимах, не практикующих массовые репрессии или давно от них отказавшихся; в ситуации вынужденного поворота от «пряника» к «кнуту» они могут оказаться перед нелегким выбором. Даже если репрессии не влекут за собой непосредственных политических последствий для режима, они надолго определяют стратегию правящих групп (как это было в СССР после бойни в Новочеркасске в 1962 г.). Предшествующий опыт применения массового насилия нередко детерминирует ответ на вопрос: «бить или не бить» (массы, выступающие против режима)? Так, силовое подавление протеста на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. в немалой степени объяснялось тем, что в ходе дискуссий в руководстве Китая по поводу тактики противодействия оппозиции взяли верх ветераны революции, привыкшие убивать сограждан со времен борьбы компартии

⁸⁴ *McAdam et al. 2001: 307—322.*

за завоевание власти⁸⁴. Российский опыт в этом отношении специфичен и в силу низкого уровня репрессивности режима, и из-за ненадежности средств массового подавления. Вместе с тем было бы неверно сводить проблему лишь к границам технических возможностей подавления, которые оказываются пройдены, когда акции протеста принимают действительно масштабный характер⁸⁵. Последовательность вопросов несколько иная: решатся ли российские лидеры в случае реальной или воображаемой угрозы их политическому выживанию отдать приказ о массовом насилии в отношении сограждан? если да, то будет ли этот приказ успешно выполнен и позволит ли насилие устранить угрозу? если да, то не превратятся ли российские лидеры в заложников исполнителей своего приказа? Ответы на эти вопросы как минимум неочевидны.

⁸⁵ *Przeworski 1991: 64.*

Даже ограничив перечень неизвестных величин двумя параметрами — (1) «фальсификация предпочтений» и слабая предсказуемость поведения россиян; (2) степень готовности и способности правящих групп эффективно подавлять сопротивление граждан, — можно сделать вывод о тщетности попыток оценить шансы конкретных вариантов дальнейшей трансформации российского режима. Но важнее общая логика политической эволюции, позволяющая за «деревьями» текущих событий увидеть «лес» тех процессов, которые определяют настоящее и могут определить будущее российского электорального авторитаризма.

⁸⁶ *Huntington 1991.*

Крах коммунистического режима и распад СССР произошли в 1991 г., когда многим наблюдателям казалось, что новый глобальный процесс всеобщего и полного перехода к демократии захватит в том числе и постсоветские страны, которые по умолчанию обречены на то, чтобы стать демократическими⁸⁶. Эти ожидания сбылись не в полной мере или не сбылись вовсе: и Россия не стала здесь исключением. То, о чем 20 с лишним лет назад говорили как о появлении на свет новой российской демократии, на деле оказалось лишь болезненным распадом прежнего режима и последующим не менее болезненным становлением нового авторитаризма, ставшим частью глобальной тенденции к формированию электоральных авторитарных режимов, затронувшей многие страны и регионы мира⁸⁷. Но хотя за два десятилетия строительства авторитаризма правящие группы, казалось бы, смогли наглухо заколотить «окно возможностей» демократизации, ситуация в России начинает меняться — в частности, благодаря тому, что россияне пусть медленно, но учатся на ошибках недавнего прошлого, а также оттого, что со сменой поколений в страну постепенно проникает ветер перемен. «Опрокидывающие выборы» и волна протестов 2011—2012 г. позволили приоткрыть если не окно, то «форточку» возможностей для движения к демократизации, и понимание необходимости этого процесса, наряду с неприятием режима электорального авторитаризма, сегодня ширится среди различных групп российского общества.

⁸⁷ *Levitsky, Way 2010; Morse 2012.*

Опыт постсоветского развития не прошел зря: спустя два с лишним десятилетия после распада СССР российское общество выглядит лучше подготовленным к осмысленной и целенаправленной демократизации, нежели в начале 1990-х годов, хотя условия для нее сегодня менее благоприятны, чем непосредственно после падения коммунистического режима. Будучи предъявлен властям, общественный спрос на демократизацию станет, скорее всего, расти, и это дает основания рассчитывать на то, что в процессе смены политического режима наша страна на этот раз не попадет из огня да в полымя, как произошло в 1990-е и особенно в 2000-е годы. И потому лозунг участников оппозиционных митингов — «Россия будет свободной!» — может оказаться не просто призывом, но ключевым аспектом отечественной политической повестки дня в обозримом будущем. Россия действительно будет свободной страной. Вопрос лишь в том, когда именно, каким образом и с какими издержками она пройдет свой путь к свободе.

Библиография

- Афанасьев** М. 2009. *Российские элиты развития: запрос на новый курс*. — М.
- Белановский** С., Дмитриев М. 2011. *Политический кризис в России и возможные механизмы его развития*. — М.
- Гайдар** М., Снеговая М. 2012. Дремлет притихший северный город // *Ведомости*. 3.02.
- Гельман** В. 2010. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // *Полития*. № 2.
- Гельман** В. 2012. Трещины в стене // *Pro et Contra*. Т. 16. № 1—2.
- Голосов** Г. 2012. *Демократия в России: инструкция по сборке*. — СПб.
- Левада-центр**. 2012. *Индексы одобрения деятельности Владимира Путина и Дмитрия Медведева* (<http://www.levada.ru/indeksy>).
- Общество и власть в условиях политического кризиса: Доклад экспертов Центра стратегических разработок Комитету гражданских инициатив**. 2012 (<http://www.echo.msk.ru/doc/891815-echo.html>).
- Рогов** К. 2010. Гипотеза третьего цикла // *Pro et Contra*. Т. 14. № 4—5.
- Рыженков** С. 2011. Перспективы демократизации России: стратегический подход (первое приближение) // *Неприкосновенный запас*. № 1.
- Штыков** П. 2003. Деконструкция революции // Штыков П., Шваниц С. (ред.) *Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей*. Т. 2. — СПб., М.
- Эпоха Ельцина: Очерки политической истории**. 2001. — М.
- Beissinger** M. 2007. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer / Rose / Orange / Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 2.
- Bogaards** M. 2009. How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism // *Democratization*. Vol. 16. № 2.

- Bunce V., Wolchik S.** 2009. Getting Real about «Real Causes» // *Journal of Democracy*. Vol. 20. № 1.
- Collier D., Collier R.B.** 1991. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. — Princeton (NJ).
- Collier D., Levitsky S.** 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*. Vol. 49. № 3.
- Davenport C.** 2007. *State Repressions and the Domestic Democratic Peace*. — N.Y., Cambridge.
- Easton D.** 1975. A Re-Assessment of the Concept of Political Support // *British Journal of Political Science*. Vol. 5. № 4.
- Eckstein H.** 1975. Case Study and Theory in Political Science // Greenstein F., Polsby N. (eds.) *Handbook of Political Science*. Vol. 7. — Reading (MA).
- Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E.** 2011. Media and Political Persuasion: Evidence from Russia // *American Economic Review*. Vol. 101. № 7.
- Fish M.S.** 2005. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. — Cambridge.
- Frye T.** 1997. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // *Comparative Political Studies*. Vol. 30. № 5.
- Gandhi J.** 2008. *Political Institutions under Dictatorship*. — Cambridge, N.Y.
- Geddes B.** 2005. *Why Elections and Parties in Authoritarian Regimes?* Paper presented at the APSA annual meeting. — Washington.
- Gel'man V.** 2008a. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. № 6.
- Gel'man V.** 2008b. Out of the Frying Pan, Into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // *International Political Science Review*. Vol. 29. № 2.
- Gel'man V.** 2010. The Dynamics of Sub-National Authoritarianism: Russia in Comparative Perspective // Gel'man V., Ross C. (eds.) *The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia*. — Farnham.
- Goloso V.G.** 2011. Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 4.
- Greene K.** 2007. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. — Cambridge.
- Hale H.** 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. № 1.
- Hale H.** 2006. *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism and the State*. — Cambridge, N.Y.
- Hale H.** 2011. The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 8.
- Hermet G., Rose R., Rouquie A.** (eds.) 1978. *Elections without Choice*. — L.

- Hirschman** A. 1970. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. — Cambridge (MA).
- Howard** M.M. 2003. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. — Cambridge.
- Huntington** S. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. — Norman (OK).
- Key** V.O. 1966. *The Responsible Electorate: Rationality in Presidential Voting 1936—60*. — Cambridge (MA).
- Krastev** I., Holmes S. 2012. An Autopsy of Managed Democracy // *Journal of Democracy*. Vol. 23. № 3.
- Kuran** T. 1991. Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // *World Politics*. Vol. 44. № 1.
- Kricheli** R., Livne Y., Magaloni B. 2011. *Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism* (http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf).
- Levitsky** S., Way L. 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. — Cambridge.
- Linz** J.J. 1990. The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. Vol. 1. № 1.
- Lonkila** M. 2012. Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // *Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers*. № 98 (http://www.fiia.fi/en/publication/244/russian_protest_on_and_offline/).
- Magaloni** B. 2010. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 3.
- McAdam** D., Tarrow S., Tilly Ch. 2001. *Dynamics of Contention*. — Cambridge.
- McFaul** M. 2000. One Step Forward, Two Steps Back // *Journal of Democracy*. Vol. 11. № 3.
- Morse** Y.L. 2012. The Era of Electoral Authoritarianism // *World Politics*. Vol. 64. № 1.
- Petrov** N., Lipman M., Hale H. 2010. *Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes*. Carnegie Endowment for International Peace Paper № 106. — Washington.
- Przeworski** A. 1991. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. — Cambridge.
- Remington** T. 2006. Presidential Support in the Russian State Duma // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 31. № 1.
- Reuter** O.J., Remington T. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.
- Robertson** G. 2007. Strikes and Labor Organizations in Hybrid Regimes // *American Political Science Review*. Vol. 101. № 4.
- Rose** R., Mishler W. 2009. How Do Electors Respond to an «Unfair» Election? The Experience of Russians // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25. № 2.

- Rose R.**, Mishler W., Munro N. 2011. *Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians*. — Cambridge.
- Rose R.**, Munro N., Mishler W. 2004. Resigned Acceptance of an Incomplete Democracy: Russia's Political Equilibrium // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 20. № 3.
- Sakwa R.** 2008. Two Camps? The Struggle to Understand Contemporary Russia // *Comparative Politics*. Vol. 40. № 4.
- Schedler A.** 2002. Elections without Democracy: The Menu of Manipulations // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.
- Schedler A.** (ed.) 2006. *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. — Boulder (CO).
- Shevtsova L.** 1999. *Yeltsin's Russia: Myths and Reality*. — Washington.
- Shevtsova L.** 2000. Can Electoral Autocracy Survive? // *Journal of Democracy*. Vol. 11. № 3.
- Shvetsova O.** 2003. Resolving the Problem of Preelection Coordination: The 1999 Parliamentary Elections as an Elite Presidential «Primary» // Helli V., Reisinger W. (eds.) *The 1999—2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy*. — Cambridge.
- Tarrow S.** 1994. *Power in Movement: Collective Action, Social Movements, and Politics*. — Cambridge.
- Treisman D.** 2011. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*. Vol. 55. № 3.
- Tucker J.** 2007. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 3.
- Way L.** 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*. Vol. 57. № 2.
- Way L.** 2008. The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. Vol. 19. № 3.
- Wilson A.** 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. — New Haven.
- Wilson K.** 2012. How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. № 1.